

УДК 343

DOI 10.24147/2542-1514.2019.3(2).105-113

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

А.В. Боярская

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

18 марта 2019 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2019 г.

Дата онлайн-размещения –

12 сентября 2019 г.

Ключевые слова

Легализация (отмывание)

доходов, предикатное

преступление, финансовые

операции, сделки, электронные

платежные системы,

электронные средства платежа,

цель преступления, преступное

деяние

Дается критический анализ судебной практики Верховного Суда РФ, в соответствии с которой по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, где обвиняемыми денежные средства, полученные преступным путем, обналаживались с использованием электронных платежных систем, банковских счетов и карт и в последующем расходовались на личные нужды, состав преступления, предусмотренный ст. 174.1 УК РФ, отсутствует. Обосновывается точка зрения, что соответствующее толкование норм о легализации преступных доходов является слишком узким, основанным на искаженном понимании целей анализируемых преступных деяний.

PROBLEMS OF JUDICIAL INTERPRETATION OF SIGNS OF LEGALIZATION (LAUNDERING) OF MONEY OR OTHER PROPERTY ACQUIRED BY CRIMINAL MEANS

Alexandra V. Boyarskaya

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2019 March 18

Accepted –

2019 May 20

Available online –

2019 September 12

Keywords

Money laundering, predicate offense, financial transactions, agreements, electronic payment systems, electronic means of payment, purpose of a crime, criminal act

The subject. The article is devoted to analysis of the crime – laundering of money or other property obtained by criminal means, – punished by Art. 174, 174.1 of the Russian Criminal Code.

The purpose of the article is to confirm or disprove hypothesis that the current Supreme Court's official legal interpretation of the rules on the laundering of criminal incomes is too narrow; this interpretation is based on a distorted understanding of the objectives of the analyzed criminal acts.

The main results and scope of their application. According to judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, firstly, when the money obtained by illicit trafficking of narcotic drugs were cashed by accused person using electronic payment systems, bank accounts or debit cards, and subsequently were spent there is no corpus delicti of money laundering. Secondly, the corpus delicti of money laundering exists in cases when money obtained by criminal means, are invested to capital stock or companies, to a bank deposit, to purchase of income-generating assets, goods or property.

Conclusions. The specificity of the situation with criminal responsibility for the legalization of criminal incomes is in the fact that it is possible to use criminal income for personal needs for the purchase of luxury goods directly and without legalization due to the lack of control over the citizens expenditures in the Russian Federation. So direct disposal and personal use of property obtained during a crime by criminal in his own needs should not be qualified under Art. 174, 174.1 of the Russian Criminal Code as money laundering if the purpose of concealing the criminal nature of assets was not proven. However, when making financial transactions or other transactions designed to disguise the criminal source of income, the intention of criminal to spend them on personal needs should not exclude the application of the analyzed norms of criminal law.

1. Постановка проблемы

Предметом анализа в данной статье выступает сложившаяся практика Верховного Суда РФ, согласно которой:

– по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, где обвиняемыми денежными средствами, полученными преступным путем, обналичивались с использованием электронных платежных систем, банковских счетов и карт и в последующем расходовались на личные нужды, состав преступления, предусмотренный ст. 174.1 УК РФ¹, отсутствует;

– составы преступлений, предусмотренные ст. 174, 174.1 УК РФ, могут образовываться в тех случаях, когда денежные средства, полученные преступным путем, например, внесены в уставной капитал организации, на банковский вклад, на них приобретены активы, приносящие доход, они направлены на покупку и последующую продажу товаров, имущества, выполнение работ и оказание услуг.

Как представляется, обозначенная позиция Верховного Суда РФ является спорной и приводит к ограничительному толкованию положений ст. 174, 174.1 УК РФ, что препятствует эффективному применению соответствующих норм и порождает судебные ошибки, обозначаемые в теории как «неквалификация» [1].

2. Судебное толкование признаков легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем

Одним из ключевых примеров из судебной практики по рассматриваемой проблематике выступает апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2018 г. № 127-АПУ18-8 в отношении Абдурахманова Э.Р., согласно которому подсудимый был оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, со следующей мотивировкой: «Преступление, предусмотренное ст. 174.1 УК РФ, относится к сфере экономической деятельности и его необходимым элементом является цель вовлечения денежных средств и иного имущества, полученного в результате совершения преступления, в легальный экономический оборот. Для наличия данного состава преступления необходимы не просто финансовые операции и сделки с

имуществом, полученным преступным путем, а действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, придание им видимости законности (внесение в уставный капитал организации, на банковский вклад, покупка активов, приносящих доход, покупка и последующая продажа товаров, имущества, выполнение работ, оказание услуг).

Именно этим легализация как от уголовно наказуемого деяния отличается от основного преступления, совершаемого с использованием финансовых институтов, целью которых является конспирация как способ получения доходов.

Исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащихся в Постановлении от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (п. 11) распоряжение денежными средствами, полученными преступным путем, для личного потребления (приобретение продуктов питания, товаров первой необходимости, получение бытовых услуг и т. п.) не образует указанного состава преступления².

Полагаем, приведенное судебное решение содержит спорное толкование положений состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ. Подвергнуть сомнению можно следующие аргументы, содержащиеся в нем:

1. Целью преступного деяния, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, является вовлечение денежных средств и иного имущества, полученного в результате совершения преступления, в легальный экономический оборот.

2. Именно указанная цель отличает легализацию от основного преступления, совершаемого с использованием финансовых институтов, целью которых является конспирация как способ получения доходов. Из сказанного можно заключить, что позиция Верховного Суда РФ относительно рассматриваемого состава преступления заключается в том, что конспирация не рассматривается как одна из его возможных целей.

3. В указанном апелляционном приговоре дается толкование положений п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2018 г. № 127-АПУ18-8 // СПС «КонсультантПлюс».

исключающее использование легализованного имущества в личных целях даже после завершения процесса легализации.

3. Научное толкование признаков легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем

3.1. Цель легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем

Как представляется, сомнительность первого из приведенных аргументов связана с тем, что цель анализируемого преступления в ст. 174, 174.1 УК РФ обозначена как придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. Таким образом, цель легализации, как она сформулирована в уголовном законе, не вполне совпадает с целью легализации, обозначенной в указанном выше апелляционном приговоре. В последнем она обозначена как введение денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, в легальный экономический оборот.

Цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом раскрывается в научной литературе следующим образом.

Н.В. Юсупов указывает, что легализация (отмывание) имущества, полученного преступным путем, представляет собой совершение лицом действий, направленных на «введение в легальный оборот имущества, заведомо приобретенного преступным путем, в целях придания правомерного вида источнику происхождения данного имущества» [2, с. 8]. При этом основными способами легализации (отмывания) денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотических средств, указанный автор называет «вкладывание этих средств в предпринимательскую деятельность (туристический бизнес, торговлю, промышленность); в покупку дорогостоящего имущества (недвижимости, автомобилей, ювелирных изделий); возвращение фиктивных займов; открытие счетов в банках на предъявителя или вымышленных лиц, а также корреспондентских счетов в иностранных банках» [2, с. 9].

Ю.В. Быстрова толкует легализацию как «действия субъекта, совершающего финансовые операции и иные сделки с имуществом, приобретенным преступным путем, с целью сокрытия связи такого имущества с предикатными преступлениями, сокрытия их последствий и свидетельств, создания иллюзии за-

конности происхождения имущества для последующего введения его в гражданский оборот» [3, с. 8].

В соответствии с позицией В.И. Третьякова, «легализация криминальных доходов является своего рода связующим звеном между открытой экономикой и криминальным сектором теневой экономики. Это канал, посредством которого доходы, полученные от криминальной практики, переводятся в легальную сферу экономических отношений, поддерживая тем самым и легальный, и криминальный бизнес» [4, с. 37]. При этом автор отмечает, что не все денежные средства и иное имущество, полученные преступным путем, должны отмываться. Часть их может быть направлена «на дополнительные расходные платежи, связанные с проводимой операцией или может быть потрачена в личных целях на покупку дорогих автомобилей, драгоценностей, подарков знакомым» [4, с. 38]. Особо В.И. Третьяков обращает внимание на то обстоятельство, что основная цель легализации состоит в том, чтобы скрыть преступный характер происхождения доходов, что достигается за счет их введения в легальный экономический оборот [4, с. 40].

А.В. Смагина, анализируя объективную сторону легализации, механизм ее осуществления, указывает, что «он складывается из вложения наличности в легальный денежный оборот, маскировки места и механизмов «отмывания» и объединения вложенных преступных доходов с легальным капиталом. При этом часто используются такие методы, как открытие банковских счетов на подставных лиц, регистрация фирм на умерших лиц, осуществление операций через офшоры, действия, связанные с фиктивным банкротством, искажения бухгалтерской, банковской отчетности, заключение фиктивных договоров» [5, с. 14].

А.Н. Лисин, формулируя свою точку зрения относительно целей легализации, указывает, что они предполагают «сокрытие следов происхождения доходов, полученных из нелегальных источников; создание видимости законности получения доходов; сокрытие лиц, извлекающих незаконные доходы и иницирующие сам процесс отмывания; создание условий для безопасного инвестирования в легальный бизнес» [6, с. 7].

В.Б. Букарев по анализируемой проблематике говорит следующее: «Сам факт совершения финансовой операции или иной сделки, либо использования приобретенных от преступления доходов в предпринимательской или иной экономической деятельности, не должен считаться легализацией, если

при этом отсутствует признак “придания правомерного вида” полученным доходам. Суть легализации для преступника заключается в том, чтобы предпринять все усилия, направленные на затруднение выявления преступного происхождения денежных средств или иного имущества (доходов), и создание для себя или иных лиц таких условий сокрытия или искажения подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество или его принадлежность, которые позволяют считать эти доходы приобретенными правомерным путем» [7, с. 10].

Д.Р. Кузахметов указывает, что одной из целей процесса легализации является сокрытие предикатного преступного деяния, в результате совершения которого у преступника появились денежные средства или иное имущество [8, с. 16].

А.А. Ганихин высказывает позицию, что указание в ст. 174 УК РФ на специальную цель данного преступления исключает возможность привлечения к ответственности за легализацию при совершении сделок с таким имуществом в сфере криминального оборота, так как факта придания правомерного вида преступным доходам здесь не происходит [9, с. 8].

На основании изложенного можно заключить, что цель легализации, обозначенная в уголовном законе как придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступными доходами, не является тождественной цели введения тех же доходов в легальный экономический оборот, поскольку последняя не включает в себя «элемент конспирации», направленности деяния, связанного с отмыванием денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем, на сокрытие источника подобных доходов и факта совершения предикатного преступления.

Аналогичные положения в настоящее время сформулированы в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (ред. от 26 февраля 2019 г.), согласно которому «под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, следует понимать сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него. Данная цель может быть установлена на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных

финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота».

Кроме того, относительно указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ П.С. Яни и М.А. Филатова указывают, что актуальное понимание Пленумом Верховного Суда РФ состава легализации таково, что каждый факт совершения сделки с заведомо преступно приобретенным имуществом едва ли не с неизбежностью преследует цель, указанную в ст. 174 и 174.1 УК РФ, в виде придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению указанным имуществом [10]. Таким образом, на основании изложенного можно напрямую связать цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом с сокрытием преступного источника его происхождения.

3.2. Действия, образующие объективную сторону легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем

Не вполне ясно также, что понимать в рассматриваемой ситуации под легальным экономическим оборотом. Полагаем, в правильном контексте данный термин был использован В.И. Третьяковым, указавшим, что сокрытие преступного характера происхождения доходов при легализации достигается за счет их введения в легальный экономический оборот [4, с. 40]. Таким образом, применительно к составам преступлений, предусмотренным в ст. 174, 174.1 УК РФ, введение имущества в легальный экономический оборот правильнее рассматривать как комплекс действий, составляющих объективную сторону легализации, нежели цель преступной деятельности, предусмотренную анализируемыми нормами.

Здесь уместно рассмотреть, что представляет собой экономический оборот. О.М. Крылов указывает в данной связи, что понятие оборота раскрывается в некоторых нормативных правовых актах применительно к отдельным предметам. В качестве примера приводится определение оборота этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции, под которым понимаются закупка (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозка и розничная продажа (ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребле-

ния (распития) алкогольной продукции»). Рассуждая далее, О.М. Крылов отмечает, что оборот информационной продукции трактуется как предоставление или распространение информационной продукции, включая ее продажу, аренду, прокат, раздачу, выдачу из фондов общедоступных библиотек, публичный показ, публичное исполнение, распространение посредством эфирного или кабельного вещания, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, и сетей подвижной радиотелефонной связи (ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). В свою очередь, оборот наркотических средств, психотропных веществ – это разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»). Обобщая изложенное, соглашаясь в данной связи с Б.В. Шагиевым, О.М. Крылов делает вывод, что понятие оборота различных предметов в нормативных правовых актах обычно раскрывается посредством перечисления отдельных операций с этими предметами, т. е. трактуется как совокупность взаимосвязанных действий, направленных на достижение конкретно обозначенной цели или решение определенной в законодательстве задачи [11].

Таким образом, легализация представляет собой комплекс действий, связанных с введением имущества в легальный экономический оборот, посредством которых осуществляется придание правомерного вида владению, пользованию, распоряжению имуществом, полученным преступным путем.

Указанный комплекс действий, посредством осуществления которого производится введение имущества в легальный экономический оборот, состоит в осуществлении виновным финансовых операций или иных сделок, характеристики и возможные виды которых приведены в п. 6, 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (ред. от 26 февраля 2019 г.).

Совершаемые в процессе легализации действия в числе прочего могут проявляться: в приобретении недвижимого имущества, произведений ис-

кусства, предметов роскоши; в фальсификации оснований возникновения прав на денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем (в результате совершения преступления), в том числе гражданско-правовых договоров, первичных учетных документов и т. п.; в совершении финансовых операций или сделок по обналичиванию денежных средств, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления), в том числе с использованием расчетных счетов фирм «однодневок» или счетов физических лиц, не осведомленных о преступном происхождении соответствующих денежных средств; в совершении финансовых операций или сделок с участием подставных лиц, не осведомленных о том, что задействованные в соответствующих финансовых операциях и сделках денежные средства и иное имущество приобретены преступным путем (в результате совершения преступления); в совершении финансовых операций или сделок с использованием электронных средств платежа, в том числе принадлежащих лицам, не осведомленным о преступном происхождении электронных денежных средств.

При этом высшая судебная инстанция особо обращает внимание на то обстоятельство, что совершение указанных ранее финансовых операций или сделок само по себе не может предрешать выводы суда о виновности лица в легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела подтвердить, что лицо заведомо для него совершило финансовую операцию или сделку с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом.

Изложенное уместно толковать следующим образом: мы не можем заключить, что составы преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, могут образовываться только в тех случаях, когда денежные средства, полученные преступным путем, внесены в уставной капитал организации, на банковский вклад, когда на них приобретены активы, приносящие доход, либо они направлены на покупку и последующую продажу товаров, имущества, выполнение работ и оказание услуг. Обналичивание денежных средств с использованием электронных платежных систем, банковских счетов и карт, исходя из своих характеристик, также может составлять объективную сторону легализации, если совершается для достижения рассмотренных выше целей.

Подтверждает обозначенную точку зрения и М.А. Филатова, указывая, что суды часто приходят к выводу, что перевод с одного своего счета на другой – это распоряжение своими денежными средствами вне зависимости от того, как они были получены, и такое распоряжение охватывается составом предикатных корыстных преступлений. Однако, действия по распоряжению преступно приобретенным имуществом в объективную сторону такого приобретения (например, при получении взятки, хищении, принятии оплаты за совершенное по найму убийство) входить не должно. И, кроме того, с точки зрения природы денежных средств, находящихся на банковских счетах, они выступают в качестве права требования клиента к банку. Следовательно, перевод с одного счета на другой является сделкой с банком, так как меняется размер прав требования по обоим счетам. Данный вывод применим и к зачислению наличных денежных средств на банковский счет банку [12].

В анализируемой нами ситуации судом было установлено следующее: «Абдурахманов получал плату в виде криптовалюты через платежную систему Bitcoin. На биржах криптовалюту Абдурахманов конвертировал в рубли и через платежную систему “Киви” переводил на электронный кошелек в ОАО “Киви-Банк”, привязанный к его абонентскому номеру телефона. Затем деньги переводились на его банковский счет, откуда в последующем переводились на его карту в ПАО... Полученные денежные переводы Абдурахманов обналечивал в банкоматах и тратил на личные нужды – оплачивал услуги мобильной связи, приобретал различные продукты питания, иные вещи для личного потребления, на лечение матери. Полученные деньги были его источником существования.

Избранный Абдурахмановым способ получения денежных средств (с использованием различных платежных систем, счетов и его банковской карты) не опровергает данный вывод, поскольку конечной целью при этом было получение на руки денежных средств и их трата для личных нужд, в повседневной жизни»³.

Ключевым аргументом, послужившим основанием для того, чтобы доказать отсутствие в действиях Абдурахманова Э.Р. состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, стало совершение им финансовых операций, собственно, охватывае-

мых объективной стороной анализируемого преступления, но направленных на получение денежных средств на руки для расходования их на личные нужды.

И тогда мы подходим к вопросу о точном толковании положений п. 11 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также к вопросу о том, какое значение цель использования доходов, полученных преступным путем, должна иметь для толкования признаков ст. 174, 174.1 УК РФ.

Как указывает Р.В. Жубрин, анализ практики расследования легализации преступных доходов показывает, что наиболее распространенной ошибкой является вменение легализации преступных доходов при неустановлении цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению ими, в случаях использования таких доходов для личных нужд или продолжения преступной деятельности [13].

Далее анализируя рассматриваемую проблематику, уже в другой своей работе Р.В. Жубрин указывает следующее: «Особенностью отмывания является сокрытие преступного происхождения имущества путем введения его в легальный, а не криминальный оборот, что и делает легализацию преступных доходов специфическим видом противоправной деятельности. Легализация преступных доходов практически не имеет экономического смысла, преступные доходы в этом случае используются не для воспроизводства преступных капиталов, не для личного потребления, а выводятся из производственных и потребительских фондов криминальной экономики с целью отмывания. Затем с преступными доходами совершаются сделки и финансовые операции, которые направлены на создание иллюзии законности их получения и владения ими. После легализации преступные доходы могут быть использованы любым законным способом: инвестированы в экономическую деятельность, направлены на потребительские расходы» [14, с. 45].

Таким образом, использование доходов, полученных преступным путем, на личные нужды может исключать вменение состава легализации только в одном случае: если они используются виновным лицом для таких целей непосредственно после получения их преступным путем и предварительно не были легализованы.

³ Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2018 г. № 127-АПУ18-8.

Если же преступные доходы направляются виновными на личные нужды, но уже после совершения комплекса финансовых операций или иных сделок, в том числе связанных с обналичиванием денежных средств, которые призваны скрыть преступный источник происхождения таких доходов, препятствий для вменения состава легализации быть не должно.

Если мы не соглашаемся с приведенным утверждением, то должны прийти к парадоксальному выводу, что доходы, полученные преступным путем, принципиально не могут быть использованы виновными для личных нужд. Их следует оставлять навсегда внесенными во вклады, имущество, приобретенное преступным путем, следует бесконечно перепродавать, не используя для личных целей в итоге полученные денежные средства, что лишало бы совершаемое преступное деяние смысла.

На основании изложенного можно сформулировать вывод, что использование преступных доходов для личных нужд после завершения процесса легализации не должно исключать вменение состава преступления, предусмотренного ст. 174, 174.1 УК РФ.

Добавим также, что сформулированный вывод можно подтвердить, приведя рассуждения по рассматриваемому вопросу И.А. Клепицкого, указывающего, что впервые норма об уголовной ответственности за легализацию преступных доходов в России была введена в действие в связи со вступлением в силу 1 января 1997 г. действующего УК РФ. Однако, как отмечает автор, «при этом в стране отсутствовали социально-экономические предпосылки для криминализации таких действий. Состояние финансового контроля было таково, что преступникам вовсе не требовалось отмывать деньги. Они строили дорогие дома, покупали дорогие автомобили, скупали акции банков и иных организаций, тратили крупные денежные суммы на иные цели, совершенно не опасаясь быть привлеченными за это к уголовной ответственности. В правоприменительной практике господствовал принцип: “не пойман – не

вор”. Отмывания денег в России просто не было, поскольку в этом не было потребности (более того, массовый характер получил “увод в тень” доходов от легальной деятельности). Поэтому ни законодатель, ни правоприменитель просто не понимали существа этого преступления, возможного в экономических отношениях, столь разительно отличающихся от наших. Этим объясняются ошибки как в законодательном определении, так и в практике применения нормы, предусмотренной ст. 174 УК. В первоначальной редакции она предусматривала ответственность за совершение любых сделок с имуществом, приобретенным заведомо незаконным путем, а равно за использование такого имущества в предпринимательской и иной экономической деятельности. Столь широкое определение признаков состава преступления позволило применять эту норму (по совокупности с нормой об основном преступлении) практически в любом случае совершения корыстного преступления (и даже любого другого правонарушения)» [15, с. 529].

4. Заключение

Таким образом, специфика ситуации с уголовной ответственностью за легализацию преступных доходов состоит в том, что использовать соответствующие доходы на личные нужды, для приобретения предметов роскоши, можно и непосредственно, без легализации, условия для чего создает недостаточно строгий контроль за расходами граждан в Российской Федерации. По данной причине деяния, связанные с непосредственным распоряжением и использованием для личных нужд имущества, полученного при совершении преступления, без цели сокрытия преступного характера его происхождения, не следует квалифицировать по ст. 174, 174.1 УК РФ. Однако, при совершении финансовых операций или иных сделок, призванных замаскировать преступный источник получения доходов, намерение виновного в итоге их истратить на личные нужды не должно исключать применение анализируемых норм уголовного закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Городец, 2007. – 336 с.
2. Юсупов Н.В. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) имущества, полученного от преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Юсупов. – М., 2011. – 26 с.

3. Быстрова Ю.В. Система предупреждения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Быстрова. – М., 2010. – 20 с.
4. Третьяков В.И. Организованная преступность и легализация криминальных доходов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.И. Третьяков. – Ростов н/Д., 2009. – 55 с.
5. Смагина А.В. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, с использованием оффшорных финансовых центров: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Смагина. – М., 2006. – 25 с.
6. Лисин А.Н. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, с использованием оффшорных финансовых центров: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Лисин. – М., 2006. – 22 с.
7. Букарев В.Б. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: общественная опасность и вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Букарев. – М., 2006. – 28 с.
8. Кузахметов Д.Р. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: Вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.Р. Кузахметов. – Казань, 2006. – 25 с.
9. Ганихин А.А. Легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем: финансово-экономический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Ганихин. – Екатеринбург, 2003. – 23 с.
10. Филатова М.А. Взаимосвязанные проблемы квалификации мошенничества и легализации преступных доходов / М.А. Филатова, П.С. Яни // Законность. – 2018. – № 7. – С. 33–38.
11. Крылов О.М. Понятие и содержание правовой категории «денежный оборот» / О.М. Крылов // Банковское право. – 2016. – № 5. – С. 54–61.
12. Филатова М.А. Разрешение Пленумом Верховного Суда спорных вопросов понимания легализации преступных доходов / М.А. Филатова // Уголовное право. – 2016. – № 3. – С. 86–93.
13. Жубрин Р.В. Надзор за исполнением законов при расследовании легализации преступных доходов / Р.В. Жубрин // Законность. – 2016. – № 5. – С. 14–17.
14. Жубрин Р.В. Криминологическая обоснованность уголовной ответственности за легализацию преступных доходов / Р.В. Жубрин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 10. – С. 39–47.
15. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений / И.А. Клепицкий. – М.: Статут, 2005. – 572 с.

REFERENCES

1. Kuznetsova N.F. *Problems of qualification of crimes*, Lectures on the special course “Basics of qualifying crimes”. Moscow, Gorodets Publ., 2007. 336 p. (In Russ.).
2. Yusupov N.V. *Criminal liability for the legalization (laundering) of property derived from crimes in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2011. 26 p. (In Russ.).
3. Bystrova Yu.V. *The system of warning of the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means in the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2010. 20 p. (In Russ.).
4. Tret'yakov V.I. *Organized crime and the legalization of criminal income*, Doct. Diss. Thesis. Rostov-on-Don, 2009. 55 p. (In Russ.).
5. Smagina A.V. *Legalization (laundering) of criminally gained income using offshore financial centers: criminal law and criminological aspects*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 25 p. (In Russ.).
6. Lisin A.N. *Legalization (laundering) of criminally gained income using offshore financial centers: criminal law and criminological aspects*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 22 p. (In Russ.).
7. Bukarev V.B. *Legalization (laundering) of income acquired by criminal means: public danger and qualification issues*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.).
8. Kuzakhmetov D.R. *Legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means: Questions of theory, legislative regulation and practice*, Cand. Diss. Thesis. Kazan, 2006. 25 p. (In Russ.).

9. Ganikhin A.A. *Legalization (laundering) of property acquired by criminal means: financial, economic and criminal law aspects*, Cand. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2003. 23 p. (In Russ.).
10. Filatova M.A., Yani P.S. Interrelated problems of classification of fraud and legalization of proceeds of crime. *Zakonnost' = Legality*, 2018, no. 7, pp. 33–38. (In Russ.).
11. Krylov O.M. Notion and contents of the "money turnover" legal category. *Bankovskoe pravo = Banking law*, 2016, no. 5, pp. 54–61. (In Russ.).
12. Filatova M.A. Solution by the Plenum of the Supreme Court of controversial issues of understanding of legalization of proceeds of crime. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2016, no. 3, pp. 86–93. (In Russ.).
13. Zhubrin R.V. Supervision over implementation of laws related to investigation of legalization of proceeds of crime. *Zakonnost' = Legality*, 2016, no. 5, pp. 14–17. (In Russ.).
14. Zhubrin R.V. Criminological validity of criminal liability for illegal income legalization. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = The laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2013, no. 10, pp. 39–47. (In Russ.).
15. Klepitskii I.A. *The system of economic crimes*. Moscow, Statut Publ., 2005. 572 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боярская Александра Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: ba.omsu@gmail.com
SPIN-код: 6139-3134; AuthorID: 790893

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexandra V. Boyarskaya – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: ba.omsu@gmail.com
RSCI SPIN-code: 6139-3134; AuthorID: 790893

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Боярская А.В. Проблемы судебного толкования признаков легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем / А.В. Боярская // Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 2. – С. 105–113. – DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).105-113.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Boyarskaya A.V. Problems of judicial interpretation of signs of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means. *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 105–113. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).105-113. (In Russ.).